

2 Cm 132

me: 57241
4p 75

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

БИБЛИОТЕКА
1. АВГ. 1908
И. М. У.

Американскій Православный
ВѢСТНИКЪ.

„Russian Orthodox American Messenger“

Подписка за годъ: Русское изданіе «Амер. Прав. Вѣстникъ» (24 выпуска) — 2 дол. (6 руб.); Англискія При-
ложенія (12 выпусковъ) 1 дол. 50 цент. (4 руб.); Русское Изданіе и Приложенія — 3 дол. (6 руб.).

Terms of annual Subscription: Russian Edition — [Issued semimonthly] \$2.00; English Supplements — [Issued
monthly] \$1.50; Russian Edition and Supplements — \$3.00. Rev. A. Hotovitzky, Publisher, 15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

Vol. XII. — No. 14. NEW YORK 28 JULY 15 Юли 1908 г

О НАРОДНОМЪ ПРОСВѢЩЕНІИ.
(Къ пастырямъ Алеутской епархіи).

Просвѣщеніе служить главною силою въ развитіи какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ народовъ. Приостановилось просвѣщеніе, погасло оно — и наступаютъ въ жизни народной тьма со всѣми ея послѣдствіями. Темною напр., полосою въ жизни нашего русскаго народа считается вѣка татарскаго ига. И дѣйствительно, если мы сравнимъ великолѣпныя задатки

жизни русскаго народа до татарщины съ тѣмъ, чѣмъ явилась эта жизнь послѣ нея, то въ нашемъ представленіи сама собою рисуется картина роскошнаго поля, много обѣщавшіе всходы котораго побиты морозомъ. Тяжело смотрѣть намъ даже мысленно на эту картину, созерцать это безмѣрно грустное явленіе.

Какъ хорошо началась наша народная

жизнь. Свѣтъ вѣры Христовой уже освѣтилъ широкое пространство тогдашней Руси. Молодые христіане при свѣтѣ своей новой вѣры бодро вступили на путь истиннаго просвѣщенія, быстро устремились впередъ къ истинно культурной жизни, просвѣщаясь и обогащаясь знавіями. Сѣмена просвѣщенія, брошенныя на почву русской жизни въ княженіе св. Владиміра, при сынѣ его Ярославѣ Мудромъ дали обильный плодъ. Ярославъ и самъ былъ уже человекомъ просвѣщеннымъ, „прилежалъ книгамъ и почиталъ ихъ часто въ нощи и во дне.“ Онъ сознавалъ всю важность просвѣщенія и для народа. Съ этого цѣлю онъ переводилъ „отъ Грекъ на Словѣнское писмо“ книги, „ими же поучащеся вѣрніи людье наслаждались ученья Божественнаго“. Жизнеописатель преподобнаго Феодосія говоритъ, что книжное обученіе при Ярославѣ Мудромъ велось даже въ такихъ въ то время незначительныхъ городкахъ, какимъ былъ нынѣшній Курскъ. Здѣсь было въ то время нѣсколько учителей, которые принимали къ себѣ учениковъ. „Къ симъ-же и датися веля на оученіе божественныхъ книгъ единому отъ оучитель“, сообщаетъ о преподобномъ Феодосіи его жизнеописатель, „якоже и сотворивъ скорѣ извѣче вси грамотѣ, яко всемъ чудятися о премудрости и разума дѣтища, и о скоромъ его оученіи; покореніе же его и повиновеніе кто неовѣсть, еже стяжа въ оученіи своемъ, не токмо же къ оучителю своему, но и ко всемъ оучащимся“. Въ Кіевѣ-же, по словамъ лѣтописца, Ярославъ завелъ даже бібліотеку для „вѣрныхъ“. Профессоръ Е. Голубинскій утверждаетъ, что „грамотность“ къ концу княженія Ярослава „начала болѣе или менѣе распространяться вездѣ и между всеми“, а по мнѣнію Владимірскаго — Буданова школы „едѣдалась нормальною принадлежностію“ каждой приходской общины даже еще при

Св. Владиміръ. Лѣтописецъ не даромъ, конечно, проводитъ такую параллель между временемъ св. Владиміра, Ярослава и послѣ сего: „якоже бо се нѣкто землю разореть, другой же посѣть, ни же пожинають и ядятъ нищу бескудну: тако и се (Ярославъ). Отецъ бо сео Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ: сей же насѣя книжными словеса сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье приѣмлюще книжное“. Людей грамотныхъ цѣнило тогда и общественное мнѣніе. Въ одной былинѣ поется:

„А и будетъ Добрыни семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ

учиться;

А грамота Никитичу въ прокъ пошла...
Добрыня отца — матери хорошаво,
Добрыня роду племени у ч е н а в о“.

Такъ относились къ просвѣщенію русскіе люди до татарской поры. Очевидно, въ народѣ нашемъ была сильная потребность въ просвѣщеніи именно этого рода, т. е. христіанскомъ. Оно, это просвѣщеніе, покоящееся на религіозныхъ основахъ, соответствовало основнымъ потребностямъ нашей русской народности.

Но вотъ постигъ русскую землю ударъ, — погасло въ ней просвѣщеніе, духовная жизнь замерла и поникла. Не засаживаютъ теперь за книгу съ семи годовъ, — теперь книга хотя нѣчто и любимое, даже божественное, но и непреодолимо трудное:

„Восходила туча претемная;
Претемная и прегрозная;
Изъ-подъ той тучи темныя
Выпадала книга голубная...
Къ той книгѣ ко божественной
Соходилися, соѣзжалися
Сорокъ царей со царевичемъ...
Никто къ книгѣ не првстунится,
Никто къ Божьей не пришатнется“...

Такъ сказилось на народномъ сознаниіи мучительное время татарскаго ига. Исто-

рія мало знаетъ подобныхъ примѣровъ, въ которыхъ бы сама жизнь съ такою силою отгвѣтила важность и значеніе истиннаго просвѣщенія. Важность же эта и значеніе всегда и вѣрни сознавались и признавались и вопросъ о народномъ просвѣщеніи и былъ и есть кардинальный въ жизни вопросъ, самый жизненный вопросъ.

Много написано по этому вопросу, много сдѣлано, много сказано. Кажется, нѣтъ ни одной стороны его, которая бы не была разсмотрѣна и такъ или иначе представлена. Я, поэтому, не думаю сказать что-либо оригинальное по этому вопросу и новое, а только хочу напомнить православнымъ наставникамъ и вѣрнымъ вообще православнымъ русскимъ людямъ, проживающимъ въ Америкѣ, то, что они и сами знаютъ, но чего имъ не слѣдуетъ никогда забывать и что слѣдуетъ по мѣрѣ силъ своихъ проводить въ жизнь.

Не находятъ ли проживающіе здѣсь русскіе люди, что американская жизнь, въ силу своего исключительно практическаго склада, является тѣмъ морозомъ для души и плоти русскаго человѣка, который можетъ побить молодые русскіе побѣги? Будутъ люди въ Америку предпринимшіе русскіе люди, полные надежды на лучшее будущее. Эти люди, гонимые сюда нуждою, желали бы сохранить цѣлымъ и неповрежденнымъ все то, что для нихъ дорого, съ чѣмъ они жили и безъ чего не мыслятъ себя, желали бы сохранить прежде всего вѣру свою, вѣру своихъ отцовъ. Я не разумѣю сейчасъ изъ русскихъ, которые бѣжали сюда тѣхъ Россіи, окончивши съ нею счеты, проклиная ее и существующіе въ ней порядки. Эти въ большинствѣ окончили и съ своею вѣрою. Православная вѣра для нихъ такъ же ненавистна, какъ и русское правительство, какъ и все, чѣмъ жила раньше, живетъ и теперь русскій народъ. Мы знаемъ, какъ эти „русскіе“ живутъ здѣсь и какъ стара-

ются въ глазахъ американцевъ очернить и унижить все русское. Американцы смотрятъ на нихъ, слушаютъ ихъ и по ихъ виду, по ихъ жизни и словамъ составляютъ взглядъ на Россію. Явленію это, полное недоразумѣнія, достойно глубокаго сожалѣнія. „Самодержавный режимъ“ въ глазахъ американцевъ принялъ видъ чего-то невыносимо тяжелаго, приведшаго Россію къ полному разложенію. Мнѣ пришлось разъ выслушать отъ простаго американца — рабочаго восторженныя похвалы нашему Государю и проклятія по адресу „самодержавнаго режима“. Этотъ рабочий-американецъ „обработанъ“ въ „сознательнаго“ ругателя Россіи и русской жизни, — не зная того, что многое и весьма многое въ Россіи есть такое, въ чемъ до крайности нуждается Америка, не зная того, напр., что столь печальный „лицейскій произволъ“ имѣетъ здѣсь несравненно большее примѣненіе, чѣмъ у насъ, и т. н. Эти „информации“, конечно, должна будетъ сойти со сцены, когда американцы получатъ возможность услышать о Россіи болѣе здравыя и правильныя свѣдѣнія. Это, есть основаніи думать, скоро будетъ. Повторю, я не разумѣю этихъ изъ русскихъ, которые по лѣши-ли или по вѣноспособности бытъ въ Россіи мирными гражданами, желающими и могущими способствовать своимъ трудомъ росту и процвѣтанію родины, будучи въ Россіи, возстали на Россію, а здѣсь, не переставая быть врагами ея, перестали быть русскими.

Я не могу сейчасъ разумѣть какъ и тѣхъ изъ русскихъ, которые желаютъ, чтобы ихъ считали не русскими, а „рутенами“, такъ и тѣхъ, которые считаютъ себя не русскими, а украинцами. Сепаратизмъ послѣднихъ достигъ здѣсь такой степени, что въ немъ тонетъ не только идея русскости и не только вѣра православная, но несомнѣнно и вѣра въ Бога. Глубоко заблуждаются тѣ, которые подѣ

флагомъ „самостійной України“ надѣваютъ на бѣдный малообразованный русскій людъ римское ярмо. Обманывая его и политически развращая, они убиваютъ великую и во все вѣру въ немъ. И если для передовыхъ изъ теперешнихъ украинцевъ этотъ Римъ съ нами также нуженъ, какъ напр. абиссинскій Негусъ, то не скоро ли эти чувства къ Риму будутъ питаться и всеми украинцами, всею массою ихъ? Тщетна, значить, эта сепаратистская работа враговъ православія, растлѣвающихъ русскій народъ *ad majorem Dei gloriam*. Она въ результатѣ можетъ дать только антирелигіозный плюсъ. Впереди передовыхъ изъ украинцевъ идутъ люди, облекшіеся въ сутану, и вотъ мы видимъ, какъ эти люди, долженствующіе уже по одному своему званію просвѣщать народъ свѣтомъ вѣры Христовой, приучаютъ его къ безбожію. Очевидно, что для нихъ лучше видѣть русскій народъ безбожнымъ, чѣмъ православнымъ, — и если они сознательно идутъ къ своей цѣли, то явно, что они сѣютъ вѣтеръ, что-бы пожать бурю. Но въ природѣ русскаго человѣка есть неуничтожимое тяготѣніе къ истинному просвѣщенію и, Богъ дастъ, онъ замѣтитъ и пойметъ, куда его ведутъ его нынѣшніе опекатели, пойметъ и повернетъ на настоящій путь. Тогда мы должны будемъ помочь и этимъ русскимъ людямъ быть русскими. А пока, и въ особенности сейчасъ, и разумѣю нашихъ русскихъ православныхъ богобоизженныхъ людей, которые, здѣсь проживши, чувствуютъ себя русскими и съ любовью думаютъ и говорятъ о дорогой родинѣ. Много здѣсь есть такихъ русскихъ людей изъ Россіи. Мнѣ, въ поѣздкахъ по Америкѣ, пришлось съ радостію встрѣтиться со многими изъ такихъ и эти минуты встрѣчи были лучшими изъ моей здѣшней жизни. Многие изъ нихъ прикрѣплены уже матеріальными условіями къ американской почвѣ, но въ

силу присущей имъ русскости желали бы, что-бы не только они, но и дѣти ихъ навсегда оставались и здѣсь русскими-православными. Я не говорю о русскихъ изъ руенцовъ, оставившихъ свое двухмѣстное „греко-католическое“ сѣдѣніе и возвратившихся на прадрѣвское православіе. У меня не достанетъ словъ, чтобы по достоинству похвалить этихъ русскихъ людей, волею злой судьбы тамъ въ старомъ краю оторванныхъ отъ Россіи, но стремящихся всею душой своей къ ней. Они съ глубокою скорбью смотрятъ на дѣтей своихъ, теряющихъ въ англійскихъ школахъ русскую фізіономію, и съ ужасомъ представляютъ себѣ близкую возможность духовной смерти русскаго народа въ Америкѣ. Сколько разъ приходилось мнѣ выслушивать отъ добрыхъ православныхъ русскихъ людей сѣтованье на это лютное трагизма ихнее положеніе въ вопросѣ, не говорю уже образованія дѣтей, а просто сохраненія ихъ русскими, и сколько разъ мнѣ приходилось убѣждаться въ справедливости этихъ сѣтованій. — Какъ звать тебя? спрашиваетъ ребенка и получаешь въ отвѣтъ: Джонъ вмѣсто Иванъ, Джорджъ вмѣсто Георгій, Эни вмѣсто Анна, Мэри вмѣсто Марья и т. д. Долго въ одномъ изъ приходовъ старался я ввѣдрить въ память русскихъ дѣтей ихнія русскія имена, но, выѣзжая оттуда, я былъ увѣренъ, что дня черезъ два-три, много недѣлю, отъ моей этой работы не останется и слѣда. Трудно бороться съ вліяніемъ школы, въ высшей степени хорошо преемлющей національные интересы. Все въ Америкѣ имѣетъ заводскій, фабричный характеръ и сама Америка является какъ-бы своего рода заводомъ, въ которомъ все переваривается въ американскій видъ. Такимъ заводомъ является и школа въ Америкѣ. Здѣсь перевариваются не только индивидуальныя особенности дѣтей, но и ихъ моральныя и религіозныя качества.

Извѣстно, что основою народнаго благополучія признается здѣсь въ Америкѣ одно только образованіе. Образованіе обогащаетъ познаніями, которыя могутъ имѣть практическое примѣненіе въ жизни, могутъ быть пригодны въ ней и полезны; оно готовитъ новыхъ поколѣній будущихъ дѣятелей, которые продолжаютъ трудъ своихъ отцовъ. Выводъ отсюда тотъ, что должно обращать особое вниманіе на умственное образованіе, которое есть если не единственный, то по крайней мѣрѣ главный факторъ въ жизни народной. Къ этой цѣли направлена вся учебная система въ американскихъ школахъ. Но это допустимо и понятно можетъ быть только тогда, если имѣть въ виду одну высшую сторону жизни человѣка и не всматриваться въ внутреннее значеніе и смыслъ этой жизни, въ тотъ смыслъ, какой даетъ ей христіанство. А этотъ смыслъ жизни важнѣе для человѣка и этихъ желѣзныхъ дорогъ, и этихъ электрическихъ открытій и вообще всѣхъ чудесъ здѣшнихъ въ области техники. Можно все это имѣть и всѣмъ этимъ пользоваться и все-таки пребывать въ полномъ невѣжествѣ, въ тупомъ состояніи, въ духовномъ убожествѣ, потому что все это относится къ матеріальной сторонѣ жизни человѣка, а главное въ жизни непосредственно касается внутренней стороны души человѣка. Истинное просвѣщеніе касается главнымъ образомъ души человѣка, — отсюда вытекаетъ значеніе и смыслъ просвѣщенія.

Что такое истинное просвѣщеніе?

Это — образованіе сердець и облагораживаніе душъ, это формированіе жизни, возрѣній посредствомъ тѣхъ высшихъ возрѣній, которыя отрѣшаютъ человѣка отъ всего грубого и вещественнаго, это вліяніе умовъ на умы, сердець на сердца, душъ на души, вліяніе, цѣль котораго очищеніе отъ дурнаго и совершенствованіе въ добромъ, это расширеніе въ че-

ловѣкѣ и возвышеніе въ немъ нравственнаго чувства и нравственнаго сознанія, въ которыхъ заключается истинный критерій народнаго развитія и культурнаго состоянія. Когда въ народѣ случаются несчастія, когда преумножается въ немъ порокъ и растутъ преступленія, и это явленіе никого не устрашаетъ и не смущаетъ, — и когда напротивъ — чистые, безкорыстные и свѣтлые подвиги добра и правды проходятъ незамѣтно, не возбуждая ни въ комъ сочувствія, не увлекая никого, тогда не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что жизнь этого народа въ полномъ упадкѣ. Въ оскудѣніи христіанскаго чувства и потемненіи сознанія народнаго — несомнѣнный признакъ упадка жизни его. Когда же въ сердцѣ народа болью отзываются удары, наносимые праву и правдѣ, а ущербъ добру возбуждаетъ въ немъ негодованіе, когда въ народѣ готовъ откликъ на все, что чисто, что свято, что прекрасно высшей красотой, когда въ немъ все сливается въ стремленіи къ правдѣ и любви, когда въ народѣ голосъ общаго блага преобладаетъ надъ голосомъ своекорыстныхъ расчетовъ и не склоняется подъ давленіемъ и напоромъ грубой силы, тогда, нѣтъ сомнѣнія, жизнь такого народа стоитъ на высотѣ, основы его благополучія крѣпки, стояніе его твердо, будущность его велика и славна. Нашъ взглядъ, слѣдовательно, такой, что одинаково важнымъ факторомъ жизни должно признать вмѣстѣ съ умственнымъ образованіемъ и нравственное развитіе, нравственное воспитаніе. Соединеніе умственнаго образованія съ нравственнымъ воспитаніемъ и составляетъ то, что называется истиннымъ просвѣщеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоритъ-ли намъ сама исторія, что даже величайшее умственное образованіе народовъ не ведетъ ихъ еще къ обществу благополучію? Причина понятна. Благополучіе можетъ создаваться только

на нравственной почвѣ.

Нравственность есть тотъ общественный цементъ, который связываетъ людей въ честное, дружное содружество и даетъ имъ возможность жить по человѣчески.

Вотъ примѣръ. Когда граждане древнихъ Афинъ обуяло равнодушіе ко всему доброму и идеальному, когда отъ перемены жизни молодого поколѣнія стали терять свой прежній строго нравственный характеръ семейный бытъ афинянъ, тогда внутренняя жизнь, связывавшая живыя части съ цѣлымъ организмомъ, ослабѣла и ничто не могло уже предотвратить общественныхъ бѣдствій. Упадокъ нравственности повлекъ за собою внутренніе безпорядки, а затѣмъ и политическое паденіе Афинъ. Подобныхъ примѣровъ исторія знаетъ множество.

Но не можетъ ли высокое нравственное состояніе народа созидаться однимъ умственнымъ образованіемъ, при посредствѣ котораго въ массы народа могутъ проникнуть полезныя свѣдѣнія и благотворно вліять не только на умъ, но и на сердце и волю? Нельзя-ли обойтись безъ нравственнаго воспитанія, по крайней мѣрѣ на религіозной почвѣ? Теперь, какъ извѣстно, здѣсь въ Америкѣ проводится въ жизнь это желаніе. Здѣсь весьма многіе держатся того взгляда, что самымъ вѣрнымъ и единственнымъ средствомъ къ улучшенію общественнаго благополучія и къ уменьшенію преступленій можетъ быть только образованіе, которое само собою, независимо отъ религіознаго воспитанія, предполагаетъ прочную общественную нравственность. Но статистическія данныя изъ жизни Соединенныхъ Штатовъ не говорятъ о томъ, что-бы число преступленій здѣсь уменьшилось. Образованіе безспорно дѣйствуетъ на людей, на характеры людскіе, умягчая или вѣр-

нѣе утончая ихъ, — но улучшаются-ли черезъ то люди нравственно — вопросъ и вопросъ, подлежащій большому сомнѣнію. Утонченныя пороки образованнаго человѣка нисколько не лучше неистовствъ человѣка грубаго некультурнаго. Образованіе дѣйствительно способно возвысить людей, облагородить ихъ, но только при помощи нравственнаго воспитанія; только при томъ условіи и въ мірѣ людскомъ могутъ быть такія явленія, какъ это въ передачѣ писателя Чехова, когда кошка, мышь, кобчикъ и воробей ѣли изъ одной тарелки. Въ противномъ случаѣ, дикарь или древній скизъ съ копьемъ въ рукахъ не лучше-ли современнаго европейца съ пистолетомъ въ рукахъ? Одно образованіе можетъ привести человѣчество къ великому горю. Мы знаемъ, напримѣръ, что теперешнее человѣчество обратило все свое вниманіе на улучшеніе быта низшихъ классовъ и матеріальный бытъ рабочихъ классовъ теперь гораздо лучше прежняго. Между тѣмъ, несомнѣнно, что никогда раньше не было такихъ горькихъ сѣтованій на нужду, какъ въ наше время. Во всѣхъ культурныхъ центрахъ: здѣсь въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи, Германіи, Франціи, Австріи, и у насъ въ Россіи недовольство въ низшихъ классахъ на плохое матеріальное обезпеченіе принимаетъ ужасающій характеръ. Отъ чего же недовольство достигло такой остроты именно въ наше время, несомнѣнно время высокаго образованія, культурное время? Объясненіе этому давалъ въ свое время еще Гартманъ. „Соціальный вопросъ,“ говоритъ онъ, завянетъ въ концѣ концовъ только отъ повышающагося у рабочихъ массъ сознанія бѣдственности ихъ положенія, между тѣмъ какъ оно фактически можетъ назваться золотымъ вѣкомъ сравнительно съ положеніемъ ихъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда и рѣчи не было о соціальномъ вопросѣ. Прежде живущій на

границѣ голода слой народонаселенія чувствовалъ свою бѣдность только тогда, когда ворчалъ его желудокъ голодный, по чѣмъ дальше идетъ исторія, тѣмъ грознѣе становится призракъ бѣдности массъ, тѣмъ страшнѣе и полнѣе бѣдняки проникаются сознаниемъ своей бѣдности. И проникаются настолько, добавимъ мы, что въ Германіи, напримѣръ, въ народныхъ массахъ народилось и усиливается постепенно движеніе, имѣющее своимъ девизомъ: безъ Бога, безъ религіи, безъ Церкви и безъ государства. А здѣсь, въ этой культурной странѣ, считающей себя страной христіанской, по настоянію евреевъ, передъ мнущимъ Рождествомъ во веѣхъ публичныхъ школахъ Нью-Йорка чуть было не были отмѣнены все рождественскія иѣви и уже выданы были новые учебники, въ которыхъ было вынуждено все, что прямо или косвенно относилось до Іисуса Христа и вообще христіанства. Дальнѣйшему ходу въ этомъ направленіи помѣшало общественное мнѣніе. И это въ странѣ потомковъ квакеровъ и пуританъ! Мыслимо-ли это было-бы, если бы въ американскихъ школахъ параллельно съ образованіемъ давалось и религіозное христіанское воспитаніе. Такого кощунства не допустили бы отцы и не вынесли бы дѣти.

Мнѣ случилось сегодня познакомиться со статьею въ „The World“ — „We don't want a peasantry in this country“, въ которой авторитеты американской педагогикі отстаиваютъ важность и необходимость того, чтобы дѣтямъ, съ малыхъ лѣтъ въ школѣ виѣдрялась въ голову мысль о томъ, что каждый изъ нихъ можетъ быть президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Вотъ чѣмъ занято главнымъ образомъ американское воспитательное дѣло, — дѣтскимъ честолюбіемъ. Забыта, значитъ, евангельская истина, что всякъ (такъ) возносійся униженъ будетъ. И вотъ, въ то время, какъ педагоги заняты вопросомъ о

дѣтскомъ честолюбіи, въ это время евреи стараются уничтожить въ американскихъ школахъ слѣды христіанства. Этотъ печальнѣйшій фактъ могъ имѣть мѣсто въ американскихъ школахъ потому, что таково влияніе на людей просвѣщенія безъ должнаго воспитательнаго въ немъ элемента. Всегда такъ было тамъ, гдѣ имѣлось въ виду одно уметвенное образованіе. Вотъ, напримѣръ, Римъ съ его поучительной исторіей. Последняя знакомитъ насъ со многими добрыми качествами римскаго народа, насколько, конечно, качества эти были возможны въ древнемъ мірѣ съ его понятіями о чловѣкѣ и его отношеніяхъ къ жизни. Заботою о молодомъ поколѣніи, строгостію дисциплины, добрымъ собственнымъ примѣромъ и примѣрами выдающихся лицъ своей исторіи римляне поддерживали въ молодомъ поколѣніи бодрый энергичный духъ. Но такъ было только въ раннюю лучшую пору политической жизни Рима. Во второмъ столѣтіи до Рождества Христова произошло у римлянъ раздѣленіе между уметвеннымъ образованіемъ и нравственнымъ воспитаніемъ. Главное вниманіе теперь стали обращать на обученіе, на уметвенное образованіе, какъ на средство для достиженія матеріальныхъ выгодъ. „Теперь пренебрегаютъ, говоритъ Тацитъ, изученіемъ законовъ, не обращаютъ вниманія на сенатскіе приговоры, не заботятся объ образованіи себя бесѣдою и подражаніемъ знатымъ людямъ, обращеніемъ съ ними и сифнать къ риторамъ, у которыхъ съ духомъ безнравственности соединяется пустота слова“. По словамъ Ювенала, родители сами развращали своихъ дѣтей, прививая къ нимъ самыя дурныя качества. Пазумительное, непостижимое для насъ равнодушіе къ жизни проглядываетъ въ безчисленныхъ картинахъ самоубійства, изображаемыхъ Тацитомъ. Невероятными кажутся свидѣтельства историковъ, передающихъ

намъ, что вѣрное званіе считалось пресудительнымъ не только для римскаго вельможи, но и для оборванца изъ римской черни, что тысячи рабовъ не только набавляли римляни отъ необходимости что-нибудь дѣлать, но даже что-нибудь думать. Отвратительнымъ представляется римлянина, пожиравшій въ одинъ обѣдъ годовые доходы азіатскихъ царствъ, безъ помощи другихъ даже не финій, не ходившій и не думавшій. Вообще жизнь Рима послѣднихъ вѣковъ представляется одною мрачною оргіей, въ которой было столько же несчастій и страданій, сколько разврата, рабства и роскоши. И эта жизнь Рима, это неутолимое недовольство жизнью, эта апатія и скука — были бы для насъ неразгаданной загадкой, если бы мы не знали, что нравственное воспитаніе римлянъ въ указанное время было въ полномъ пренебреженіи. Здѣсь ключъ къ неразумнѣйшей трагической судьбы Рима. Одного, слѣдовательно, ума, однихъ научныхъ познаній еще недостаточно для насущнаго и развитія общественной нравственности. Послѣднимъ обусловливается главнымъ образомъ воспитаніемъ, которое должно, поэтому, лечь въ основу народнаго просвѣщенія.

Но какимъ характеромъ должно отличаться это нравственное воспитаніе, и если оно такъ благотвѣтельно вліяетъ на развитіе человѣка и народа, то какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ?

Нравственное воспитаніе, что-бы служить дѣлу народнаго развитія, должно быть религіознымъ.

Истина этого положенія совпадала всегда и вѣдми, не исключая и язычниковъ. "Что-бы быть истинно добрымъ человекомъ, говоритъ Сенека, нужно прежде всего быть благочестивымъ." „Отнимите у воспитанія благочестіе и погибла въ мірѣ вѣрность и правда“, говоритъ Цицеронъ. „Въ дѣтствѣ нужно научиться бла-

говѣть предъ богами, чтобы твердо хрипнть во всю жизнь законы, на которыхъ держится весь общественный порядокъ“, говоритъ Платонъ. „Въ дѣтствѣ долженъ вѣрній освѣтить свое сердце благочестіемъ, одѣлать его святилищемъ божества, потому что лишь послѣ такого дѣтства можетъ быть здравая вѣрность“, говоритъ Сенека.

Такъ мыслили по этому поводу язычники.

Если такъ думали они, то какъ можемъ думать на этотъ счетъ мы — христіане?

Существенная задача нравственнаго воспитанія состоитъ въ томъ, что-бы пробудить и укрѣпить въ человѣкѣ тѣ силы души, которая всего вѣрнѣе заставлятъ его стремиться впередъ на пути нравственнаго усовершенія, тѣ силы, которыя послѣ могутъ сдѣлаться источникомъ всего великаго и прекраснаго въ его жизни и дѣятельности. Зорнымъ взглядомъ любви раскрываютъ въ воспитанникахъ то, что есть въ нихъ самаго чистаго и благороднаго, самаго высокаго и святаго, и давать всему этому вліяніями слова и любви развитіе, направленное къ свѣтлому идеалу — въ этомъ состоитъ нравственное воспитаніе. Но самая законная, глубокая, неотразимая потребность, которую отъ самаго рожденія имѣетъ каждая душа, это потребность Бога, е самая чистый, высокій, божественный ея истинный, это — истинный религіозный, воздыханіе души, стремленіе къ Богу. Что-бы ни говорили матеріалисты, сколько бы ни силались создать систему, въ которой могъ бы найтись успокоеніе человѣкъ, повибывшій въ своихъ эгоистическихъ хлопотахъ, что у него есть душа, имъ никогда не удастся подорвать основаніе, на которомъ держится достоинство человѣка, какъ существа нравственнаго; никогда не удастся и облыснить и исчерпать ея своей точки

вѣрнѣе всѣхъ потребностей души человеческой. Но исходи для себя нищи, особенно забывши о своей религиозной потребности, безсмертный духъ человека томится голодомъ.

Это истина, которая на каждомъ шагу подтверждается опытомъ. Присмотритесь къ религиозной потребности въ народѣ, можно смѣло сказать, что религія — душа народа, его умъ, его воля, источникъ его нравственной жизни, условие его счастья. Чѣмъ глубже религія проникаетъ въ организмъ народа, въ явленія его жизни, тѣмъ народъ нравственнѣе, могучѣе, счастливѣе, долговѣчнѣе.

Это также истина, подтверждаемая самою жизнью. Поэтому, воспитывать народъ внѣ религиознаго влѣдѣнія и вліянія, это значитъ приравнять на юное поколѣніе всѣмъ ливамъ жизни. Воспитывать народъ въ религиозномъ индифферентизмѣ, это — безумельница, это — пелѣзеть, — это значитъ — пригнать на развитіе нравственной жизни, печавши ея обезземельченіи жизни, хотѣть усовершенствовать ее, уничтоживъ ея значеніе, значитъ отнять у народа единственную основу, его силы и возможность на развитіе, прогрессивный ходъ впередъ, такъ какъ религія не только вліяетъ на индивидуальную сторону человека, но и на его отношенія къ другимъ. И благо было-бы тому народу, въ средѣ котораго приведенъ бы въ исполненіе этотъ естественный порядокъ воспитанія; благо было бы ему, если-бы его умственное образованіе опиралось на религиозно — нравственное воспитаніе. Отъ сколькихъ бѣдъ и горъ была бы онъ избавленъ и сколькихъ благотѣльныхъ результатовъ достигъ бы онъ въ своей жизни! Хотя бы умственное его образованіе и не было блестяще, хотя-бы оно ограничивалось одною простою грамотностью, но, опираясь на указанныя основанія, на религиозно — нравственномъ воспита-

ніи, оно было бы благотѣльнымъ для народа. Это образованіе, опирающееся на религиозно-нравственнѣе воспитаніе, есть единственное, которое можетъ жить, крѣпнуть и развиваться народную душу, и внѣ котораго, несомнѣнно, немисленно ни его благополучіе, ни сила, ни благотѣльная жизнь. При этомъ образованіи умъ народа можетъ проникнуться живыми и вѣчными истинами, воли можетъ едѣлаться способною къ выбору того добра, которое не зависитъ отъ условій вѣншнаго бытія, чувство можетъ оживиться любовью ко всему достойному любви и благороднѣе погованіемъ ко всему безчестному и мерзкому. Только образованіе, опирающееся на религиозно-нравственномъ воспитаніи въ духѣ христіанской вѣры, есть то зданіе, которое стоитъ на неизблемомъ камени, стоитъ неподвижно при вліяніи легкомыслія, при самомъ бурномъ шквалѣ страстей, при самомъ грозномъ волненіи житейскомъ. При такомъ образованіи невѣріе не подтачивало бы соединительныхъ истинъ откровенія, умъ не сталъ бы глумиться надъ христіанскими вѣрованіями только потому, что нѣкоторые изъ нихъ для него непонятны, не сталъ бы пререкать постановленіямъ Церкви потому только, что онѣ стѣнительны для матеріальнаго человека, научныя изслѣдованія не поставили бы себѣ въ задачу преновѣдъ матеріальнама и религиознаго индифферентизма; историки усматривали бы тогда въ судьбахъ царствъ и народовъ не случайную ткань событій, а проявленіе мысли и воли Правительства міровъ, — всѣ вообще шукки складывали бы добытыми наблюденіи, выработанными ими научныя изслѣдованія и выводы у алтара христіанства и покоряли бы умъ въ послушаніе Христово, — съ восторгомъ отдавшись въ объятія вѣры, нашли бы въ ней оареніе невидимаго, истолкованіе непонятнаго. Внутреннее озареніе, которое въ са-

момъ точномъ смыслѣ можно назвать просвѣщеніемъ, побудило бы человѣка отражать внутренній свѣтъ и на все его окружающее. Такъ просвѣщенный юноша въ зрѣлыхъ лѣтахъ повсюду внесъ бы свѣтъ и жизнь, въ какой бы родъ дѣятельности ни поставили его обстоятельства. Такъ просвѣщенный юноша сдѣлался бы способнымъ дѣйствовать не только къ тому, напримеръ, что-бы стать хорошимъ ремесленникомъ, кузцомъ, а и къ тому, что бы во великомъ изъ этихъ и другихъ поприщъ, которыя онъ, согласно своему призванію избралъ бы, добросовѣстнымъ и полезнымъ членомъ народа, какъ одной великой семьи. Чуждый отрицанія, которое въ зародышѣ несетъ съ собою разрушеніе, онъ еще болѣе былъ бы чуждъ мракобѣсія, которое гибельнѣе всякаго отрицанія глушитъ и давитъ всякую разумнодѣйствующую и сознающую себя жизнь.

Полагая, какъ и слѣдуетъ, основу народной жизни въ просвѣщеніи, мы желаемъ придать существу просвѣщенія христіанскій видъ и характеръ, чтобы народъ русскій былъ народомъ истинно христіанскимъ и не по имени только православнымъ. Православіе — основа благополучія русскаго народа и культурнаго роста его — должно быть въ основѣ и народнаго просвѣщенія. Эта мысль — полна жизненнаго историческаго смысла. Православіе, — да вѣдь это завѣтное начало нашей народной жизни, это вѣдь то начало, которое вошло въ плоть и кровь русскаго народа. Если русскій народъ послѣ многаго множества историческихъ невзгодъ и нещтаній, отличается еще отъ другихъ народовъ своимъ добрымъ настроеніемъ, то чему онъ единственно въ этомъ обязанъ, какъ не своему православію? Загляните въ самую глухую русскую деревню, отдѣленную отъ остальнаго міра дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, посмотрите туда, куди еще не

совсѣмъ проникла западная культура и вы замѣтите въ жизни крестьянъ тамошнихъ глубокое вліяніе христіанства, вы увидите дѣйствительно православныхъ людей. Воскресный день. Раздался благовѣстъ. И вотъ всеъ крестьяне того села потянулись къ храму Божию. Благоговѣнно проводится тамъ этотъ святой день. И нѣтъ въ томъ селѣ ни пьянства, ни воровства, ни разврата. Люди живутъ по братски, ибо видятъ другъ въ другѣ брата. Теперь уже рѣдки и въ Россіи такія села. Растлѣвающія идеи направленной по ложному пути культуры коснулись уже нашихъ селъ и деревень и тлетворность этихъ идей сказалась во всей силѣ и во всемъ ужасѣ. Разбой, грабежи, убійства, насиліе, повальное пьянство и развратъ стали, кажется, невыдѣлимымъ элементомъ въ жизни русскаго села. Нынѣшняя жизнь русскаго крестьянства какъ бы прикрыта темнымъ погребальнымъ саваномъ, подъ которымъ царитъ непроглядная тьма. Но по налъ еще окончательно русскій народъ. Какъ ни стараются развратить его нынѣшніе просвѣтители, взоръ его обращается къ храму Божию и къ той свѣгащейся во тьмѣ точкѣ, которую являетъ собою церковно-приходская школа. Громадною сѣтью раскинулись по Россіи эти церковныя школы и имъ суждено спасти русскій народъ отъ паденія и вывести его на путь мира и правды. Незамѣтно совершается работа этихъ школъ, но онѣ дѣлаютъ свое великое дѣло, помогаютъ церкви въ ея спасительномъ трудѣ. Трудно и даже невозможно сейчасъ учесть значеніе этихъ школъ въ современной жизни русскаго народа, но значеніе это признано даже и нынѣшнею Думою, въ которой могутъ быть такія церковныя коммисіи, изъ которыхъ бѣгутъ православные архіереи. Знаменательный фактъ! Дума, желающая въ лицѣ своей коммисіи положить руку на права

православной церкви, не въ силахъ поднять руки на Церковно-Приходскую Школу, великое значеніе которой во вѣ всякаго сомнѣнія. Вліяніе ея на жизнь народную и необходимость этого вліянія не могутъ не сознаваться даже и тѣми, въ которыхъ, казалось-бы, потухла и искра религіозности и которые признаютъ себя чуждыми „религіозныхъ предубежденій“. Большое нецѣлостное этому вліянію этихъ идей на жизнь народную доставила современность, но вліяніе это не приостановилось, оно не такъ замѣтно, но дѣйствуетъ на народную душу и поможетъ народу нашему остаться христіанскимъ-православнымъ. И это сильное создающее вліяніе православнаго христіанства идетъ, безъ сомнѣнія, съ той самой поры, когда наши первые святые подвижники, съ крестомъ въ рукахъ углублялись съ проповѣдью евангелія въ глушь лѣсовъ и болотъ, задавая въ души язычниковъ свѣтлыя сѣмена нашей вѣры. Подъ вліяніемъ этой сильно говорящей сердцу и трогавшей его проповѣди, выражавшейся не въ словахъ только, а и въ жизни, христіанскія истины ерслысь съ душою русскаго человѣка, навсегда извлекли его изъ дикой жизни, сдѣлали его способнымъ къ христіанскому просвѣщенію, къ культурной жизни, покоящейся на религіозно-правственныхъ основахъ.

Итакъ мы знаемъ, что нужно для благополучія нашего русскаго народа, и, поэтому, должны желать видѣть свой народъ осбещнымъ народомъ, носителемъ культуры, одухотворенной святыми и вѣчными истинами христіанства. Взоръ нашъ долженъ обратиться на свѣтлую зарю нашей народной жизни, которую заволокли было тучи историческихъ невзгодъ и потемнѣнія русскаго самосознанія и тамъ мы не можемъ не увидѣть того, что нужно и что благотвительно для нашего народа. Мы не можемъ не увидѣть множества огоньковъ, яркій свѣтъ которыхъ освѣщаль

вѣсь уезды и тогда уже обширной Руси. Уходи взоромъ своимъ въ глубь вѣковой ишней исторіи, мы не можемъ не отдохнуть своею русскою душою на чудной оградной картинѣ вліянія на душу русскаго народа христіанскаго просвѣщенія. Мы не можемъ не видѣть, какъ свѣтъ вѣры Христовой освѣщаль тьму языческую и возвышаль душу народную, какъ народъ изъ полудикаго состоянія выходялся на культурную стезю, которою затѣмъ бодро лонель и которою бы, конечно, и доселѣ быстро шель, если бы не встрѣтилъ на пути препятствія въ видѣ губительныхъ вліяній со стороны. Мы не можемъ не видѣть этого и не можемъ не представить себѣ благотвительныхъ результатовъ вліянія христіанскаго просвѣщенія на народную жизнь, не можемъ не представить себѣ того, какъ стлалъ бы замѣняться и крѣпнуть подъ теплыми лучами Христовой Вѣры народный организмъ, постепенно всасывая въ себя соки ея.

Въ основѣ народнаго просвѣщенія, такимъ образомъ, должно быть религіозно-правственное воспитаніе.

Откровеніе Божественное, наша христіанская вѣра съ ея животворными принципами должна быть руководителемъ въ этомъ несравнимо важномъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Мы знаемъ, что если есть, если сохранилось еще въ жизни человѣческой въ такихъ размѣрахъ добро, то оно обязано этимъ вѣрѣ нашей и никому и ничему больше: вѣра въ Христа Спасителя научила насъ равенству предъ закономъ, какъ необходимому слѣдствію равенства предъ Богомъ; вѣра наша вызвала къ свободѣ, къ очеловѣченію личности человѣка. И въ будущемъ одинъ простой здравый смель ожидаетъ добра для жизни отъ одной вѣры христіанской. Такъ, несколько учреждений, преобразованія законы имѣютъ свою основу въ Откровеніи.

Божественномъ, настолько они имѣютъ смѣлость и авторитетъ, потому что въ нихъ тогда не только чувствуется, но и дѣйствительно имѣется, есть та великая сила и обязательность, какихъ никогда не могутъ дать люди; тогда они не ограничиваются лишь условіями и требованіями земной жизни, но въ человѣкѣ здѣшнемъ готовятъ человѣка неба.

Мы призваны служить той части русскаго народа, которая живетъ здѣсь въ Америкѣ. Выполнимъ-же этотъ святой долгъ свой, возлюбленные о Господѣ братіе, по мѣрѣ Богомъ дарованныхъ намъ силъ. Пусть будетъ первымъ нашимъ дѣломъ народное просвѣщеніе. Отдадимся этому дѣлу, забывая себя, свои личные интересы. Воспитывая въ православіи и просвѣщая свой народъ свѣтомъ Христовой вѣры, мы сохранимъ его здѣсь цѣлымъ и неповрежденнымъ. Великая это будетъ заслуга наша. Всегда будетъ благодаренъ намъ за это нашъ добрый народъ. Вы видите, какъ „греко-католичское“ духовенство старается болѣе надъ тѣмъ, чтобы вбить въ сознаніе нашего народа, что онъ не русскій, а украинскій. Цѣль этой работы попятна: тому духовенству надо привести эту часть русскаго народа въ Римъ, а для этого надо прежде всего оторвать его отъ единства съ русскимъ православнымъ народомъ, затемнить въ сознаніи его всѣ традиціи, ведущія его не къ чуждому Риму, конечно, а къ родной Россіи. Большинство насъ изъ Малороссіи. Дорога и намъ не меньше, чѣмъ этимъ „украинцамъ“, наша родная сторона. Но мы знаемъ, что никакія силы не оторвутъ теперь нашей стороны отъ русской страны, да и затѣмъ отторгать ее, зачѣмъ разрывать то, что теперь органически связано? Вѣдь тамъ въ дѣйствительной Малороссіи, а не въ сознаніи этихъ здѣшнихъ украинцевъ, эта идея объ отдѣленіи отъ Россіи, этотъ сепаратизмъ является

безумною и пелѣнѣющею утопіей, могущей принести людямъ одинъ вредъ. Но это должно быть нашею здѣсь заботою. Мы, пастыри Церкви Христовой, должны не раздоръ вносить въ среду православныхъ, а миръ поселать, не вражду сѣять, а правду Божію возвыщать. Мы должны воспитывать свой народъ въ идеѣ Евангельской любви, — мы должны дать ему истинное христіанское просвѣщеніе, основою котораго служить христіанское воспитаніе. На это отдадимъ силы свои и къ этому со всѣми силами своими устремимся съ вѣрою, что Богъ намъ поможетъ въ этой святой работѣ.

Это ваша работа, мы къ ней призваны, мы должны ее сдѣлать, мы ее и сдѣлаемъ. Я прошу васъ, братіе, проникнуться сознаніемъ того, что мы явились сюда не для совершенія только Божественныхъ Таинъ, и не для однихъ только требосправленій, а и для народнаго учительства. Если тамъ въ Россіи смотрятъ на священника, какъ на пастыря и какъ на учителя, то здѣсь учительство ваше предъ вашимъ сознаніемъ должно стоять впереди. Просвѣщеніе народное должно быть задачею нашей здѣшней жизни. Просвѣщайте, учите народъ въ церкви, учите его ученіемъ „здравыхъ словесъ“, не питайте его умъ и душу баснями, какъ то дѣлаетъ въ своихъ цѣляхъ „греко-католичское“ духовенство, рассказывающее въ своихъ проповѣдяхъ о такихъ небывшихъ въ жизни Спасителя событіяхъ, какъ переходъ Его въ Геосиманскомъ саду черезъ доску и т. п. неслѣности. Эти духовныя лица дѣлаютъ свое дѣло: имъ нужно держать русскій народъ во тьмѣ, что-бы легче войти его въ римскую ограду. Мы же должны дѣлать свое святое дѣло. „Умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божіимъ быть жертвою живою, святою, благоугодною Богу, для разумнаго служенія вашему (Рим. XII, 1). Просвѣщайте народъ въ церкви и

учите его въ школѣ. Будите въ немъ его лучшія качества, что-бы нашъ народъ не вотще назывался христіанскимъ, развивайте въ немъ склонность къ доброй христіанской жизни, и въ своей работѣ не забывайте ни на одну минуту того, что вы имѣете дѣло съ своимъ русскимъ народомъ. Воспитывайте его такъ, что-бы онъ, оставаясь христіанскимъ народомъ, не переставалъ быть русскимъ.

Вы — русскіе и поэтому идея русскаго націонализма должна быть для насъ и лично, какъ ясный Божій дѣль, и близкою, безконечно дорогою для насъ. Воспитывайте въ своихъ пасомыхъ русское самосознаніе такъ, что бы и умъ ихъ, и сердце влеклись туда, къ великой родинѣ нашей, святой православной Руси. Эта просвѣтительная работа ваша соединитъ вашихъ пасомыхъ въ ихъ чувствахъ и стремленіяхъ въ одно съ славнымъ русскимъ народомъ, не смотря на все старанія нашихъ противниковъ разъединить ихъ. Какъ эти противники наши оскорбляютъ насъ въ нашихъ лучшихъ чувствахъ! Какъ они стараются зарязнить то, что для насъ русскихъ должно быть и есть дороже всего! Какимъ, напр., болотомъ обкидываютъ они священную особу нашего Государя! И все-таки, что я увидѣлъ, что намель въ своихъ поѣздкахъ по Америкѣ? Во многихъ здѣшнихъ православныхъ приходахъ поется русскій національный гимнъ съ такимъ воодушевленіемъ, которое едва-ли бы честь и русскимъ, имѣющимъ счастье жить въ Россіи. Значитъ, можно русскому человѣку и мыслить и чувствовать себя русскимъ и не живя въ Россіи. Я скажу, что не только можно, а и должно. Учите, пастыри, воспитывайте своихъ пасомыхъ въ идеѣ русскости, приучайте ихъ всегда не только съ любовью смотрѣть, а и всею сердцемъ любить Православную Россію, великую родину всехъ русскихъ людей. Работа ваша не по сердцу будетъ про-

тивникамъ вашимъ, у которыхъ путеводная звѣзда Римъ, — но слѣдуетъ-ли имѣть въ виду построение тѣхъ, которые и безъ того только злословятъ и хулятъ насъ? Пусть они занимаются злорѣчьемъ, а мы будемъ стараться являть себя, какъ служители Божіи, въ словѣ истины, съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ, не только въ чести, но и въ безчестіи (2 Кор. VI, 7, 8), — мы будемъ, братіе, по совѣсти и съ любовію исполнять свой пастырскій и учительскій долгъ, памятуя всегда, что мы трудимся для блага добраго православнаго русскаго, безконечно дорогаго намъ нашего народа.

Архіепископъ ПЛАТОНЪ.

Лжемученикъ

Полоцкій униатскій архіепископъ

ЮСАФАТЪ КУНЦЕВИЧЪ,

фататическій юпателъ православія, издворъ и душеспаситъ.

III.

По вступленіи своемъ на Полоцкую архіепископію Юсафатъ получилъ въ управленіи и богатый Полоцкій Борисоглѣбскій монастырь. Обитель эта, основанная въ 1220 г. Полоцкимъ княземъ Борисомъ Генриловичемъ, кромѣ угодьевъ и населенныхъ окрестностей, которыми надѣлена была сама княземъ при своемъ основаніи и получала еще богатые вклады разныхъ усердствовавшихъ по благочестію лицъ и знатнѣйшихъ въ Бѣлоруссіи вельможъ: Соколицкихъ, Корсаковъ, Тышкевичей, Соломерецкихъ и Щитовъ, едва-ли не первокласснымъ и богатѣйшимъ изъ всехъ Полоцкихъ монастырей. Поэтому Полоцкіе архіепископы, еще задолго до времени униі, выхлопотали у польскихъ королей привилегію, по которой съ саномъ архіепископа соединялось и званіе настоятеля или архимандрита сего монастыря, съ правомъ полномочнаго владѣнія всеми

угодьями и имѣніями и съ правомъ пользования всеми принадлежащими монастырю доходами. Впрочемъ, каждый новый архіепископъ, при назначеніи своемъ на Полоцкую кафедру, получалъ отъ королей на это право подтверждающую грамоту. Но Иосафатъ, получивъ ее, хотѣлъ немедленно принять сей монастырь подъ свое вѣдѣніе. Однако главные его ктиторы Корсаки и Щиты, на томъ основаніи, чтобы православный сей монастырь не достался въ руки униатскаго настоятеля, еще при жизни перваго изъ полоцкихъ архіепископовъ, принявшихъ унию, Григорія Загорскаго, захватили этотъ монастырь, со всеми угодьями и имѣніями, въ свои руки и, не смотря на нековыя жалобы какъ Загорскаго, такъ и преемника его, архіепископа Бральяцкаго, владѣли монастыремъ вплоть до дня вступленія Иосафата на Полоцкую архіепископію. Посему, когда Иосафатъ потребовалъ отъ нихъ, на основаніи неспрошенной имъ королевской грамоты, передачи Борисоглѣбскаго монастыря въ его руки, угрожая, въ случаѣ отказа, отобрать оный силою, -- Корсаки, Тышкевичи и Щиты, со множествомъ православной шляхты, мѣщанъ и крестьянъ, засѣли въ семь монастырѣ и, поставивъ на окружающихъ его стѣнахъ пушки, заряженные ядрами, рѣшили до послѣдней крайности защищать монастырь оружіемъ, такъ что Иосафату удалось завладѣть имъ только послѣ 11-дневной осады, да и то при помощи замковой стражи и вооруженныхъ униатовъ и католиковъ.

Однакоже, вытѣсненные изъ полуразрушеннаго отъ пушечныхъ выстрѣловъ монастыря, вышеозначенные ктиторы и не думали возвращать Иосафату принадлежащія монастырю имѣнія и угодія. Это заставило Кунцевича замысливать ихъ судебнымъ порядкомъ. Послѣ сильнаго ходатайства его въ судахъ, трибуналахъ и у короля, ему удалось, наконецъ, получить

декретъ, присуждавшій Корсаковъ и всѣхъ виновныхъ въ завладѣніи монастырскимъ имуществомъ силою возвратитъ его архіепископу, какъ настоятелю монастыря, и кромѣ того уплатитъ въ пользу его 3000 польскихъ золотыхъ за протори и убытки.*) Въ объясненіяхъ своихъ на нековыя жалобы Кунцевича, въ свое оправданіе, они писали, „что хотя поскиваемые Иосафатомъ имѣнія дѣйствительно предками ихъ пожертвованы были на вѣчныя времена въ пользу Борисоглѣбскаго монастыря, но пожертвованія эти были сдѣланы для монастыря „древней грецкой вѣры“, коей и они сами были ревностными поборниками. Теперь же, когда вноки сего монастыря и самъ его настоятель, Полоцкій архіепископъ Иосафатъ Кунцевичъ, измѣнили сей древней вѣрѣ: „то мы, ктиторы монастыря, потомки православныхъ вкладчиковъ, узнавъ о таковой измѣнѣ, при томъ же и сами будучи православными, считаемъ себя вынужденными удерживать въ нашемъ вѣдѣніи все монастырскія угодья, имѣнія и самый монастырь съ принадлежащими къ нему церквами до тѣхъ поръ, пока вноки и настоятель сего монастыря не переимѣнятъ новой вѣры на древнюю и не возвратятъ подъ и о с л у ш е н с т в о Колетантинопольскаго патріарха.“ Такъ объяснялись Корсаки и другіе Бѣлорусскіе знатные дворяне въ 1618 году. Но черезъ два года они приняли другое убѣжденіе, ибо мы видимъ уже тѣхъ же дворянъ подписавшими въ 1621 г. мировую съ Кунцевичемъ, въ которой обязались бытъ униатами, съ условіемъ оставить за ними,

*) Изъ сохранившихся въ разныхъ архивахъ рукописныхъ документовъ, къ сему делу относящихся, видно, что еще во времена Иосафата большая часть бѣлорусской шляхты, въ томъ числѣ Корсаки, Щиты, Тышкевичи, Соломерецкіе, Соколинскіе и друг., коихъ подьяки встрѣчаются на сихъ документахъ, были ревностными поборниками православія, или, какъ тогда обыкновенно выражались, древней грецкой вѣры.

какъ вторично монастыря, древнее право набирать для него настоятеля. Впоследствии они, вынужденные этимъ обязательствомъ, перешли прямо въ латинство, а не въ унию, запродавъ Иосафату вѣру своихъ предковъ за 30,000 злотыхъ! Такимъ образомъ вѣрѣ они а поимно ихъ и другіе литовско-русскіе православные вельможи (и только одна вельможа), изъ одной привязанности къ земнымъ расчетамъ, не устояли въ борьбѣ съ нанизмомъ и съ различными заманчивыми искушеніями и, мало по малу ополячиваясь, этою измѣною вѣрѣ своихъ предковъ нятили честь своей русской фамиліи. Но при вѣрѣ этихъ отступниковъ мало приобрѣлъ для униіи прозелитовъ изъ средняго и низшаго сословія народа. Народъ юго-западной Руси стоналъ подъ гнетомъ насилій и гоненій, проливалъ рѣки слезъ и крови, чувствовалъ себя стѣсненнымъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ, лишенъ имѣній, терпѣлъ пытки отъ поляковъ и жидовъ, бывшихъ орудіемъ католической пропаганды, но ничто не могло поколебать въ немъ преданности вѣрѣ своихъ предковъ. Если же честь сего народа и уступила, наконецъ, насилію и неистовствамъ жестокихъ пропагандистовъ и принудительнымъ мѣрамъ польскаго правительства, то предпочла латинству унию, оставившую невольнымъ образомъ, въ прежнихъ русскихъ церковныхъ обрядахъ, элементъ русской народности, впоследствии такъ много способствовавшей добровольному и единодушному возвращенію униатовъ въ лоно православія...

Изъ прочихъ дѣйствій и раенориченій Иосафата по управленію Полоцкою архіепископіею намъ извѣстно только, что онъ, при древнѣйшей изъ Полоцкихъ церквей, Софійскомъ кафедральномъ соборѣ, своимъ иждивеніемъ устроилъ деревянныя келліи для женскаго монастыря, который населилъ выписанными изъ Виль-

ны униатскими монахинями Святивскаго ордена, надѣливъ сей монастырь землями, угодьями, в отъезды и доходами отъ имѣній къ Полоцкою архіепископіи принадлежавшихъ*), да еще возобновилъ прішедшій отъ времени и разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ въ ветхость Софійскій соборъ, приказавъ, впрочемъ, снять украшавшіе его пять главъ, которыя своимъ византійскимъ стилемъ служили бы для будущаго поколѣнія безмолвнымъ памятникомъ древности православія въ Полоцкѣ и обвинителемъ отступничества униатовъ. О послѣдующихъ же дѣяніяхъ Купцевича намъ ничего не извѣстно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свещ. В. Зноско.

Письмо въ Редакцію.

Удѣлите ли вы мнѣ семинарію свѣтъ изъ плодотворной почвы?

Обычно измѣряется усиліемъ учрежденій учебно-воспитательныхъ количествомъ выпускаемыхъ ими воспитанниковъ, обиліемъ и стрѣмленіемъ предлагаемаго учащагося учебнаго матеріала, согласованностію обученія съ требованіемъ мѣста, времени и лицъ начальствующихъ.

Судить о первомъ и второмъ легко было по краткому отчету по Семинаріи за 1907—1908 уч. годъ.

Относительно третьяго тамъ тоже неданы факты — именно: призываніе къ дѣятельному пастырскому служенію Православной Церкви въ С. Америкѣ нашихъ, не многихъ иска, питомцевъ.

Для иллюстраціи дѣтняго состоянія школы могу сообщить слѣдующее.

Ө. Позванскій призывается къ подготовкѣ себя на пастырство и отправился для окончательнаго испытанія и практи-

*) Kulczyński; Monologium Bazyliankie, M. Wzrostu 16 dzien; Stobelsky; Dwa światła na horyzoncie Polockim etc. Roz. III. str. 250-253.

ческаго Архипастырскаго направленія къ служенію своему въ православный Свято-Тихоновскій Пенсильванійскій монастырь.

Въ монастырь же проживаетъ при Высокопреосвященнѣйшемъ Владыкѣ другой старшій питомецъ Миннеаполнскэй Семинаріи, В. Васалыга, узнающій житейскую обстановку и дѣятельное служеніе Господу Богу по началамъ православнаго монастырскаго общежитія.

Третій, Іос. Стефанко, отправился добровольно потрудиться на нивѣ народнаго учительства на присланную къ Миннеаполнскому приходу Нортъ-Прэрскую ферму.

Вл. Левканичъ тотъ же трудъ предпринялъ на берегахъ озера Superior, раздѣляя трудъ на два поселенія въ условіяхъ чисто апостольскаго безпріютства.

Ф. Печинскій занялся наставленіемъ дѣтей въ Vance-Creek, Wisc. на фермѣ русскихъ православныхъ въблизи Clayton, Wisc., знакомясь съ безхитростной жизнью фермеровъ и обогащаясь опытами ихъ церковно-братской жизни (въ 13 июля ожидается тамъ освященіе часовни-церкви во имя Архистратига небесныхъ силъ Михаила).

Алек. Варлашкинъ взялся за самопомощическій трудъ по Миннеаполнскэй Покровской церкви, продолжая въ то же время свое самоусовершенствованіе въ музыкѣ и пѣніи.

Болѣе молодые духомъ и тѣломъ живутъ еще стѣхими ручнаго труда и отцовскаго дома, опытно познавая тяжесть и величіе перваго, благоствость и святость втораго.

Одинъ вышелъ изъ семьи семинарскаго, и знатій свѣтскихъ и труда умственно-теоретическаго. Семинарія дала ему англійскую рѣчь и возмужалость тѣла.

Не подвожу итоговъ. Но говорю, что Духъ святой, раздѣляющій дарованія

комуждо якоже хочетъ (1 Кор. 12, 11), вѣдетъ в падь нашею немощью.

1908, 4 Июля.

Свящ. Л. Туркевичъ.

Священникъ Іоаннъ Алексѣевичъ Соболевъ.

Некрологъ.

10 Юни 1908 года скончался одинъ изъ старѣйшихъ священно-служителей С. Американской Епархіи, настоятель Св. Андреевской Киличеновской церкви священникъ Іоаннъ Соболевъ.

Почившій родился въ 1851 году 1-го Февраля, сынъ причетника Владимірскаго губ. села Спасскаго, обучался въ духовномъ училищѣ и въ Учительской Семинаріи при Владимірскаго гимназій, откуда изъ 2-го класса былъ уволенъ для путешествія въ Сѣверную Америку.

Въ 1869 году 18 лѣтній Иванъ Алексѣевичъ, обладавшій прекраснымъ басомъ, съ знаменитымъ хоромъ Славянскаго прибылъ въ С. Америку.

Хоръ Славянскаго былъ принятъ въ Америкѣ очень холодно, а посему и сами хористы, чтобы достать кусокъ хлѣба, разбрелся по всей странѣ, за исключеніемъ немногихъ счастливецъ, которые могли уѣхать въ Россію на свои средства.

Много пришлось перенести Ивану Алексѣевичу горя въ чужой странѣ, пока онъ не попалъ въ С. Франциско. Здѣсь въ 1875 г. 12 Августа Преосвященнымъ Іоанномъ онъ былъ приглашенъ на службу при Каѳедральномъ Соборѣ на должность самопомощника и учителя при Богословской школѣ. Съ этого дня начинается многолѣтняя и полезная служба новаго члена Алеутской Епархіи.

Въ 1881 году 24 Марта Преосвященнымъ Песторомъ посвященъ въ санъ дьякона, о. Иоаннъ несъ обязанности учителя, ризничего, составителя описи соборнаго имущества и члена Духовнаго Правленія, по назначенію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Пендыра. Преосвященнымъ Владиміромъ „за благолюбивое служеніе и доброту нрава“ возведенъ въ санъ протодьякона съ выдачей похвальнаго свидѣтельства. За свою усердную службу въ

Святѣйшаго Синода выдаваемого, включительно, при чемъ о послѣдней награждѣ онъ былъ извѣщенъ за нѣсколько дней до смерти.

Кроткій и уживчивый характеромъ, о. Иоаннъ былъ любезенъ, привѣтливъ и гостепріименъ со всѣми. Добродушный и ласковый, онъ отличался еще чистосердечіемъ, терпѣніемъ, кротостію и незлобіемъ и любилъ въ минуты досуга заигрываться музыкой, слагалъ въ стихи мотивы Але-

саиъ протодьякона вознагражденъ Святѣйшимъ Синодомъ единовременнымъ денежнымъ пособіемъ.

Въ 1893 г. 4 Апрѣля Преосвященнымъ Николаемъ рукоположенъ въ санъ священника къ Ситкинскому Собору, причемъ былъ награжденъ набедренникомъ. Черезъ годъ былъ опредѣленъ настоятелемъ св. Андреевской церкви с. Килисно, гдѣ и служилъ до своей смерти. О. Иоаннъ имѣлъ награды до наперснаго креста, отъ

скивеккой мрачной природы. Человѣкъ онъ былъ безъ заднихъ мыслей, простъ и всѣхъ располагалъ къ полной откровенности, въ чемъ никто и никогда не пожалѣлъ.

Жизнь его въ послѣдніе годы протекла среди однообразной природы въ бѣдномъ колонинскомъ индіанскомъ селеніи.

Нельзя не отдать дань чести и уваженія его постоянному и усердному служенію въ маленькомъ с. Килисно.

Килисно — это небольшой островокъ

около 3 миль въ окружности, въ 70 миляхъ отъ Ситки. Обитатели его, за весьма малымъ исключеніемъ, колонны, самое дикіе и некультурныя индіане. Языческіе обычаи и обряды до самаго послѣдняго времени, можно сказать, тѣ же что были 2-3 сотни лѣтъ тому назадъ, не смотря на то, что при всей малочисленности населенія тамъ еще недавно была пресвитеріанская миссія, а теперь пропагандируетъ „Армія спасенія“. Собственно христіанство появилось въ Килисно съ неболь-

обычаями колонны. Предстояла трудная и непосильная борьба и съ просвѣщенными сектантами и съ грубыми язычниками.

Первые, пользуясь поддержкой Аляскинскихъ властей, своими наемщиками и папѣ Православіемъ и папѣ весьма русскимъ произвели среди колонны расколъ, а послѣдніе пользуясь этой борьбой, извлекали себѣ изъ этого различныя выгоды, ловко обманывая какъ тѣхъ такъ и другихъ. Не будемъ описывать этой борьбы. Это заняло бы много мѣста, да не хо-

Килисновская церковь.

нимъ 2 десятка лѣтъ тому назадъ, т. е. о. Іоаннъ былъ опредѣленъ туда въ самомъ началѣ развитія христіанской жизни. Прибывъ къ новому мѣсту служенія о. Іоаннъ, тогда еще полный силъ и надежды, готовился просвѣщать новокрещенныхъ и направлять ихъ жизнь по стопамъ Христа. Но здѣсь онъ встрѣтился съ фанатичной пресвитеріанской миссіей, Арміей спасенія и грубыми языческими

тѣлось бы и повториться.

На страницахъ А. Ш. В. записана не одна яркая картина произвола и насилія пресвитеріанской и другихъ сродныхъ ей миссій въ Аляскѣ. Больше 14 лѣтъ велъ о. Іоаннъ эту непосильную борьбу. Было много горькаго и весьма мало утѣшительнаго для него въ этой упорной и долгой борьбѣ, гдѣ онъ былъ одинъ безъ помощниковъ и совѣтниковъ съ весьма плохими

переводчиками.

И эти 14 лѣтъ всевозможныхъ насмѣшекъ, надвѣвательствъ, самой наглой лжи и угрозъ и т. п. сломили здоровье бодрого о. Іоанна. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ почувствовалъ онъ въ своемъ организмѣ расстройство и тяжелыя боли. Но не желая безноконтъ близкихъ, онъ терпѣливо сносилъ ихъ, продолжая свою пастырскую работу и эту непосильную борьбу. Болѣзнь его тянулась около 7 лѣтъ и наконецъ неожиданно для другихъ сломила его и уложила въ могилу. Съ небольшимъ мѣсяць тому назадъ, родные, видя его мученія, отравили его въ г. Джуно въ госпиталь, гдѣ ему была сдѣлана довольно удачно операція; но спустя недѣлю послѣ операціи нашли его скоропостижно скончавшимся отъ прилива крови къ сердцу.

Скончался о. Іоаннъ въ 3 часа утра въ среду. Въ этотъ же день тѣло его, облаченное свящ. П. Орловымъ, только что поднявшимся отъ одра болѣзни послѣ тяжелой операціи, было препровождено въ Клисно, а оттуда въ Ситку. О. П. Орловъ провожалъ тѣло почившаго до Клисно и въ тотъ же день возвратился въ Джуно по болѣзненному своему состоянію.

Въ четвергъ въ 1 часъ дня тѣло почившаго уже находилось въ храмѣ, гдѣ совершена была у гроба литія.

Въ 6 ч. вечера служили вечерню и утреню, а въ пятницу Божественную литургію. За литургіей настоятелемъ собора, свящ. А. Каневаровымъ, было произнесено приличное случаю поученіе.

Послѣ литургій слѣдовало отиѣваніе почившаго, совершенное свящ. А. Каневаровымъ и іеромонахомъ Серафимомъ.

Во время отиѣванія предъ канономъ іеромонахомъ Серафимомъ было произнесено слово:

„Возлюбленнѣйшій во Христѣ собратъ, о. Іоаннъ!

Какъ тяжело намъ было слышать о твоей неожиданной кончинѣ!

Какою скорбію наполнился наше сердце при видѣ твоихъ останковъ въ этомъ гробу!

Сродники и знакомые твои слились въ одномъ порывѣ неутѣннаго горя и печали. Дѣти лишились любящаго и добраго отца, супруга твоего, съ которымъ ты дружно и мирно прошелъ свой тернистый путь, — вѣрнаго мужа, насомые — заботливаго духовнаго пастыря, а мы знакомые — тебя, добраго христіанина, прямѣрнаго мужа и отца, кроткаго, привѣтливаго и ласковаго человѣка и добраго пастыря, который съ душевною скорбію печаловался о заблуждавшихся и упорствовавшихъ и радовался радостію отца о возвращавшихся въ отеческое стадо заблудшихъ словесныхъ овцахъ. Ты большую половину своей жизни отдалъ на службу чужаго тебѣ по языку, нравамъ и обычаямъ народа.

Сколько разъ сердце твое разрывалось скорбію отъ невзгодъ, которыя сваливались на твою кроткую и пезлсбивую душу! Что ты перенесъ въ эти тяжелыя для тебя минуты, знаетъ одна твоя душа, да тѣ, кому ты повѣдвалъ въ минуту горя свои печали.

Ни звука ропота, ни озлобленія не слышно было отъ тебя. Тихо, съ чисто христіанскимъ смиреніемъ и покорностію ты несъ свой тяжелый крестъ на своемъ тернистомъ пути.

Многіе годы тяжелая болѣзнь удручала твое тѣло. Многіе годы ты несъ это цынтаніе съ христіанскимъ терпѣніемъ, никому не жаловался и не ропталъ на свою горькую долю. Но эта мучительная болѣзнь не отвлекала тебя отъ работы, ты пѣлъ Господу, пока жилъ на землѣ.

Но не будемъ здѣсь воехвалять тебя. Въ сердцѣ cadaго изъ насъ было доброе слово тебѣ, когда ты жилъ, а теперь об

ще всѣхъ насъ желаніе — вѣчнаго, тихаго и безмятежнаго покоя тебѣ въ обителяхъ Отца Небеснаго.

Возлюбленные братія и сестры! При видѣ остатковъ добраго о. Іоанна, при воспоминаніи его кроткаго, приветливаго лица, при видѣ вообще всеразрушающей смерти останется ли у когонибудь изъ насъ недоброе слово о протекшей жизни почившаго?

Всѣ люди грѣховны: „никто не чистъ отъ скверны, если и одинъ день житія его на земли“. Но слабости грѣховной возможны были и съ его стороны надѣян вольныя и невольныя, — „нѣсть чловѣкъ, иже не согрѣшитъ“ — посему въ настоящее время предъ лицомъ смерти, да умолкнутъ въ душѣ каждаго изъ насъ порывы осужденія, ибо имъ здѣсь не время и не мѣсто. Здѣсь время плача и молитвы о прощеніи грѣховъ почившаго, который теперь имѣетъ особенную нужду и въ прощеніи его со стороны всѣхъ насъ, братій и сестеръ, и въ нашихъ усердныхъ молитвахъ, чтобы Господь Богъ помиловалъ и простилъ ему всѣ согрѣшенія его вольныя и невольныя. „Къ вамъ, мои братія и сестры, мой прощальный завѣтъ“, какъ бы слышимъ голосъ почившаго: „простите и молитесь!“

Всѣ сродники и знакомые, братія и сестры, вознесите свои молитвы ко Господу, вознесите ихъ о упокоеніи раба Божіа іерея Іоанна въ нѣдрѣхъ Авраама, Исаака и Іакова, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“. А насъ, о. Іоаннъ, прости за всѣ обиды и огорченія, которыя мы приносили тебѣ вольно и неволью, и не забудь и насъ въ своихъ молитвахъ предъ Престоломъ Божіимъ, если Господь уготовалъ тебѣ тамъ мѣсто, а мы, памятуя Слово Божіе: „молитесь другъ за друга“, будемъ молиться здѣсь на землѣ о тебѣ.

Миръ праху твоему, всечестный отче

Іоанне.“

Послѣ отиѣванія при печальномъ перезвонѣ и скорбныхъ мотивахъ „Помощникъ и покровитель“ тѣло усопшаго было обнесено вокругъ храма и положено на новомъ братскомъ кладбищѣ, на сухомъ холмикѣ, среди общаго кладбища, откуда открывается прекрасный видъ на городъ, бухты и проливы, съ которыми почившій такъ ежилел, сроднился и душу свою положилъ среди нихъ.

Итакъ почилъ и преданъ землѣ добрый и старѣйшій служитель С. Американской Миссіи, свящ. І. Соболевъ, 33 года служившій Господу въ чужой странѣ среди чужаго народа, тихо и скромно совершая дѣло Господне.

Миръ праху твоему, добрый чловѣкъ, незабвенный о. Іоаннъ.

Иеромонахъ Серафимъ.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ. ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ Сѣверо-Американскаго Духовнаго Правленія снмъ объявляется, что въ оное 27-го Октября 1907 г. вступило прошеніе прихожанки Кливеландской св. Θεодосіевской церкви Юліи Мудрикъ о расторженіи брака ея съ мужемъ Василиемъ Мудрикъ по безвѣстному его отсутствію. По заневленію прошенія Юліи Мудрикъ, безвѣстное отсутствіе ея мужа Василія Мудрика началось болѣе 6 лѣтъ тому назадъ. Силою сего объявленія всѣ мѣста и лица, могущія имѣть свѣдѣнія о пребываніи безвѣстно отсутствующаго Василія Мудрика, обязываются немедленно доставить оныя въ Сѣверо-Американское Духовное Правленіе по адресу: 15 East, 97 str. New York, N. Y.

И. д. Секретаря, Свщ. І. Слютинъ.

Редакторъ,

Каедральный Протоіерей А. Хотовицкій.